

Ахматова Мариям Ахматовна, Кетенчиев Мусса Бахаутдинович

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА "КЪАН/КРОВЬ" В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается семантическое пространство концепта "кровь" в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса). В карачаево-балкарской лингвокультуре концепт къан "кровь" наделяется культовым смыслом и представляется живой субстанцией. Она как элемент внутреннего мира человека является центром различных его страстей. Концепт къан наделен такими когнитивными признаками, как физиологическое состояние; кровожадность, причинение горя, беды; психологическое состояние; верховенство; плата за преступление.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 38-41. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

и для других дисциплин, к каждому из которых необходим критический подход. Не менее важен подбор практического материала, поскольку в настоящее время, когда объем информации постоянно растет, требуется умение выбирать полезную информацию, которая пригодится будущему специалисту в жизни и профессиональной деятельности. Среди последних теоретических обобщений фразеологии важным является, на наш взгляд, завершение дискуссии об объеме фразеологии. Следует продолжить лингвистическое и междисциплинарное изучение фразеологизмов, представленных в СМИ, поскольку они являются свидетельством социальных и политических актуальных процессов соответствующих языковых сообществ.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. К проблеме построения тезауруса русских диалектов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 5. С. 60-67.
2. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. С. 259-265.
3. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 174-175.
4. Хайруллина Р. Х. Картина мира во фразеологии: (тематико-идеографическая систематика и образно-мотивационные основы русских и башкирских фразеологизмов): дисс. ... д. филол. н. М., 1997. 536 с.
5. Шибкова О. С., Аликова С. В. Об универсальности фразеологических признаков в немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 1. С. 211-213.
6. Hacki Buhofer A. Phraseologismen im Spracherwerb // Wortbildung und Phraseologie. Tübingen: Wimmer, Rainer/Berens, Franz, 1997. S. 209-232.
7. Hallsteinsdottir E. Das Verstehen idiomatischer Phraseologismen in der Fremdsprache Deutsch. Hamburg: Philologia, 2001. 350 S.
8. Hymes D. (ed.). Language in Culture and Society. N. Y.: Harper International, 1964. 321 p.
9. Jesenšek V. Fabčič M. Phraseologie kontrastiv und didaktisch. Maribor: Zora 47, 2007.
10. Koller W. Probleme der Übersetzung von Phrasemen // Phraseologie. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung. Berlin – N. Y.: Burger, 2007. Bd. 1. P. 605-613.
11. Kühn P. Pragmatische Phraseologie: Konsequenzen für die Phraseographie und Phraseodidaktik. Sandig: Europaphras, 1994.
12. Quine W. Word and Object. N. Y.: Harper Torchbooks, 1960. 146 p.
13. Ulbricht A. Idiomatiche Wendungen im Fremdsprachenunterricht Deutsch // Deutsch als Fremdsprache. 1989. № 26. S. 98-103.

PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE PARADIGM OF INTERDISCIPLINARY APPROACH

Alikova Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Baranova Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology

Shibkova Oksana Sergeevna, Doctor in Philology

North Caucasus Federal University

kopaeva1979@yandex.ru

The article examines the important component of linguistic competence – phraseological. The authors emphasize the necessity of interdisciplinary approach to studying phraseological units which are the research object of cognitive linguistics, culturology, didactics. Among the latest theoretical conclusions of phraseology the paper mentions the end of discussion on the scope of phraseology. Due to the growth of information the researchers focus on the necessity for careful choice of practical material for foreign language learners with a view to form the skills and abilities required in the professional activity of a future specialist.

Key words and phrases: phraseological competence; phraseological worldview; poly-lexicity; stability; idiomaticity.

УДК 81=51

В данной статье рассматривается семантическое пространство концепта «кровь» в карачаево-балкарском языке (на материале нартского эпоса). В карачаево-балкарской лингвокультуре концепт «кровь» наделяется культовым смыслом и представляется живой субстанцией. Она как элемент внутреннего мира человека является центром различных его страстей. Концепт «къан» наделяется такими когнитивными признаками, как физиологическое состояние; кровожадность, причинение горя, беды; психологическое состояние; верховенство; плата за преступление.

Ключевые слова и фразы: нартский эпос; карачаево-балкарский язык; концепт «къан»; лингвокультура; когнитивные признаки.

Ахматова Мариям Ахматовна, к. филол. н., доцент

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, д. филол. н., профессор

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

mari.ahmatova@yandex.ru; ketenchiev@mail.ru

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТА «КЪАН/КРОВЬ»
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Современная лингвистическая наука, в том числе и тюркское языкознание, на современном этапе своего развития характеризуется значительным расширением сферы интересов. Иначе говоря, язык исследуется

в своей погруженности в жизнь, и «понять сущность языка представляется возможным лишь исходя из человека и окружающей его действительности. Языковые проблемы рассматриваются в тесной связи с сознанием, мышлением, деятельностью лица» [5, с. 7]. Отмеченное релевантно и для рассматриваемого в данной статье концепта «къан/кровь», который в определенной степени универсален для разносистемных языков. Так, в «Русском семантическом словаре» кровь дефинируется как «обращающаяся в кровеносной системе красная жидкая ткань, обеспечивающая жизнедеятельность организма» [10, с. 475]. В «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» данная концептуальная лексема интерпретируется аналогично, но вместе с тем актуализируются и другие значения: кровавый (окровавленный, кровопролитный); плата за убитого или общественную провинность (в прошлом); цвет лица; лицо человека; происхождение, принадлежность по рождению; убийство, кровопролитие [11, с. 537].

В рамках данного исследования важным представляется учет того, что в настоящее время в лингвистике особый интерес проявляют к исследованию различных аспектов концептов. Как отмечается в специальной лингвистической литературе, для современной теории языка немаловажное значение имеют лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта, которые не являются взаимоисключающими, поскольку «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [9, с. 24]. В карачаево-балкарской лингвокультуре концепт къан «кровь» занимает важное место и наделяется культовым смыслом. Согласно карачаево-балкарскому языковому сознанию, кровь – это элемент внутреннего мира человека, которая так же, как и сердце является центром человеческих страстей, представляется живой и описывается через антропоморфный код культуры, она испытывает различные эмоции, присущие человеку (кровь может кипеть, остывать, играть, мучать и т.д.), о чем свидетельствуют примеры типа къаны кызыды «сильно разозлиться», къаны суууду «остудить пыл; успокоиться».

Лексема *къан* характеризуется значительным словообразовательным потенциалом. Производные от нее слова отражают различные элементы концептосферы человека, как его внутреннего мира, так и окружающей действительности: *къанжюрек* «жестокий, безжалостный», *къан илипин* «оросительная канава в карачаевском ауле Хурзук, проведенная к пострадавшим людям из рода убийцы ради прекращения кровной мести», *къан сабан* «вид откупа земельным участком за убийство или нанесенный материальный ущерб», *къан-жан* «душа (характер человека)», *къанжилик* «подлец, негодяй, стервец», *къаназир* «надменный, напыщенный, высокомерный», *къан ургъуч* «инструмент для пускания крови», *къан туюмчек* «тромб», *къан ырхмыр* «синяк», *къан сохта* «род колбасы, начинкой которой служит свежая кровь и внутренний жир», *къан тамыр* «кровеносный сосуд», *къанич* «кровопийца», *къандагъай* «налитые соком (об органах тела)», *къансиер*¹ «разновидность дерева», *къансиер*² «воспаление почек у животных», *къанчау* «карбункул», *къантор/къантору* «гнедой (о масти лошади)», *къан-къун* «вся кровь; отходы (при забое скота)», *къантулукъ*¹ «бесплодный», *къантулукъ*² «выродок; мерзкий, гадкий» и др.

Небезыntenесен и фразеологический фонд карачаево-балкарского языка, который включает целый ряд фразеологических единиц со стержневым компонентом *къан*. Их анализ позволил нам выделить следующие основные когнитивные признаки рассматриваемого концепта:

1. **Психологическое состояние (в основном состояние аффекта):** *къан бюрк* «наливаться кровью (о глазах)», *кёзлерине къан чапды* «глаза налились кровью», *къаны бетине урду* «кровь прилила к лицу», *къаны къайнайды // къаны къартыкъгъа сыйынмайды* «выходит из себя», *къаны бузулду* «сильно разозлился», *къаны (бет къаны) тюрленди* «изменился в лице», *башына къан чапханды* «разозлиться (букв.: кровь ударила в голову)» и др.

2. **Физиологическое состояние:** *къан кирди* «поправляться, выздоравливать», *бетинден къаны къачды* «побледнел (букв.: кровь убежала с лица)», *къан ауузлу (жухлу) бол* «получать по зубам» и т.д.

3. **Безысходность, безрадостная жизнь:** *къан дыгалас эт* «биться как рыба об лед», *къан къус* «испытывать большие трудности», *къан жилимукъ* «горючие слезы», *къан жауду* «случилось несчастье, беда» и т.д.

4. **Верховенство:** *къан къайнат* «верховодить, быть главенствующим».

5. **Кровожадность, причинение горя, беды:** *къандан тойма* «мучить», *къандан тоймагъан* «кровожадный», *къан жаудур* «навлечь на кого-то беду, несчастье, причинять кому горе, вред», *къан ичиучю* «кровопийца», *къаннга боя* «проливать кровь» и др.

6. **Мщение:** *къан ал* «отомстить».

7. **Плата за преступление:** *къан сабан* «вид откупа земельным участком за убийство или нанесенный материальный ущерб», *къан тёле* «платить откупные за кровь» и т.п.

Различные концептуальные признаки крови (злость, несчастье, убийство, месть, мучения и целый ряд других) достаточно архетипичны для карачаево-балкарского этноса и представлены уже в текстах нарского эпоса, в которых вербализуются его аксиологические (как мелиоративные, так и пейоративные) характеристики, о чем свидетельствуют следующие примеры: «*Апсатыдан ёнкюч алып, бу малчыкъланы санга нартлины таматасы сауугъагъа ийгенди, жасакъ малларынгы уа семиртип, къан-къун киргенден сора иерикдиле, – деди*» [8, с. 213] / «Взяв в долг у Апсаты, этот скот тебе отправил предводитель нартов, а тот скот, что тебе должны, отправят, когда они немного будут упитаннее, – сказал» (Здесь и далее перевод авторов статьи). *Ёрюзкеге къаны къайнап, (Фук) къачханды, Саулай нартха аман аууз ачханды* [Там же, с. 78] / «Фук, разозлившись на Ёрюзкега, сбежал, Всех нартов проклял»; «*(Тууарчы Къазанбаш:) Оспар сёлешип, башыма къан жаудурдум. Ой, не уа, ким эсенг да, жол къаны болгъун*», – деп къалды [7, с. 123] / «(Пастух Казанбаш

сказал:) – Я навлек беду себе на голову. Ой, кто бы ты ни был, умри в дороге»; (*Дебет*) *Къысыр жерни къара къанын сыкъъанды, Ичип-тогъун, жел къанатын бургъанды* [Там же, с. 13] / «(Дебет) выжал кровь земли, выпил, закрутил крыло земли» и др.

Согласно карачаево-балкарской наивной картине мира кровь является источником жизни, генератором жизненной энергии, на что указывают паремии, в которых эксплицируется корреляция крови и души: *Къан болмагъан жерде жан болмайды* [3, с. 386] / «Где нет крови, там не бывает жизни», *Къан чыкъды – жан чыкъды* [Там же] / «Кровь истекла – душа истекла», *Къаны жокъну жаны жокъ* [Там же] / «У кого нет крови, у того нет и души». В этой связи особый интерес вызывают зложелания, нацеленные на пожелание исхода крови, т.е. смерти, человека: *Къан кекиргин!* / «Чтоб ты кровью харкал!»; *Къаны келлик!* / «Чтобы у него кровь пошла!»; *Жол къаны бол!* / «Чтобы кровью дороги стал!», *Къан ауузлу (жухлу) бол!* / «Пусть рот твой окровавится!»; *Къан жузгъу бол!* / «Будь окровавлен!»; *Къан талау тийсин!* / «Чтобы тебя кровотечение поразило!» [Там же] и др.

Немаловажен и тот факт, что по карачаево-балкарскому языковому сознанию генотип человека предопределяется кровью, т.е. она является носителем кода ДНК: *Къан бла кирген жан бла чыгъар* [Там же] / «Что с кровью вошло, то лишь с душой выйдет», *Къалмазлыкъ къанындан – белгили* [Там же, с. 383] / «Кому суждено умереть по крови видно», *Къаны бузукъ – саны бузукъ* [Из разговорной речи] / «Испорченная кровь – испорченное тело». Подобные примеры, как отмечается в некоторых работах, свидетельствуют в пользу того, что носитель языка «познает мир и закрепляет познанное в устойчивых выражениях, к которым относятся, наряду с другими языковыми единицами, также пословицы и поговорки» [4, с. 132]. Они в целом реализуют «различные интертекстуальные связи, выступающие как особый способ смысло- и текстопостроения» [1, с. 68].

Кровь указывает на происхождение. В нартском эпосе нарты считали себя народом с чистой кровью (*таза къан* «чистая кровь», т.к. «голубая кровь» является символом благородного происхождения), поскольку были сотворены Тейри по его образу и подобию, поэтому смешивание с другими племенами не приветствовалось. До сих пор в народе критично относятся к тому, чтобы смешивались с другими народами, об этом будут помнить несколько поколений, и своим не будут признавать довольно долгое время.

Кровь является символом родства. На протяжении многих веков род (все представители фамилии) в жизни карачаево-балкарцев играл и играет большую роль. Концепт *къан*, взятый в метафорическом плане, передает идею родства и наследственности (*къан жууукъ* «кровный родственник»; *къан тартады* «кровь притягивает (кого-либо)»; *ёз къаным* «родной человек»; *къан бла байларгъа* «завязать родство»), то есть принадлежность к определенному роду высоко ценится среди карачаево-балкарцев. Родственники со стороны отца считаются кровными, их больше ценят и любят, родственников со стороны матери любят и балуют, так как они считаются гостями, а гостеприимство, как известно, один из основных столпов, на который опирается менталитет народа: «*Эгечден туугъан эрке болады*» [3, с. 763] / «Племянник (сын сестры) разбалованный бывает»; «*Эгечден туугъан келсе, орта чигинжи къымылдар (тебер)*» [Там же] / «Когда придет племянник (сын сестры), то средняя опора дома покачнется». Относительно интерпретации подобных паремий М. Б. Кетенчиев и Ж. А. Геляева указывают, что особой «любовью в карачаево-балкарской семье пользуется племянник, в частности сын сестры, поэтому он является бальном, на его появление реагирует даже дом» [6, с. 173].

В недавнем прошлом кровосмешение в народе было запрещено, считалось большим грехом. Каждый представитель рода должен был знать до седьмого поколения свою родословную (*жетти атагъа дери* «до седьмого отца»). Наряду с *къан жууукъ* «кровный родственник» в языке бытует и такое выражение как *къан душман* «кровный враг».

Если представитель одного рода убил кого-либо из другого рода, то его род должен был за это откупиться. Существовали такие формы откупа, как *къан сабан*, *къан илипин*: «*Бызынгычыла Абайлагъа къаннга тёрт сабан бергендиле*» [3, с. 386] / «Безенгийцы для откупа Абаевым отдали четыре пашни». В Карачае это был *къан илипин* (ист. оросительная канава в карачаевском ауле Хурзук, проведенная к пострадавшим людям из рода убийцы ради прекращения кровной мести). Кровная месть вербализуется в языке и через паремию: *къан жерде къалмаз* [Из разговорной речи] / «пролитая кровь не останется без мести (букв.: кровь не останется на земле)», т.е. она падет на голову убийцы, поскольку земля не приемлет скверны, или же *киши къаны жибермейди* [Из разговорной речи] / «преступление не остается безнаказанным (букв.: кровь убитого не отпускает)». Вместе с тем в социуме не приветствуется проливание крови: «*Къанны къан бла жуума, аманны аман бла къуума*» [Там же] / «Не смывай кровью кровь, не отвечай злом на зло» и др. По всей видимости, в данной паремии налицо влияние культуры христианства.

Къан «кровь» являлась элементом ритуального питья, как и у многих тюркских племен, таких как скифы, гунны, которые широко использовали этот ритуал. Как пишет Гасанов: «У Геродота: “Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора. Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копьё, после этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши”» [2, с. 142]. Выпить кровь также означало вобрать в себя силу врага и тем самым обезопасить его. В некоторых текстах карачаево-балкарского нартского эпоса содержится информация о кровопитье – *къан ичиу* «питье крови»: «*Эм ахырында Къарашауай, уруп, эмегенни башын кетергенди. Жаиш, чабып барып, къанжыгъасындан суулугъун алып, аны эмегенни къанындан толтуруады. Кеси да чёмюч бла бир къан ичеди*» [8, с. 203] / «В конце концов Карашауай ударил (мечом) и снес эмегену голову. Юноша побежал и, отрезав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. После набрал крови в ковш и выпил ее»; «(Эмеген.) – *Умут барды асылланы къанларындан ичерге, Умут барды сабийлерин къул этерге,*

жегерге» [Там же, с. 125] / «(Эмеген:) – Есть надежда, что выпьем кровь ассов, мы надеемся поработить их детей». Отсюда, как нам кажется, и пошло выражение *къанын ичгерге* «мучать кого-либо».

Как пишет Ф. Г. Хисамитдинова еще в прошлом столетии у башкирок существовал обычай, который назывался *ахират яһау* «обычай делания, приобретения подруги», и суть сводилась к тому, что две девушки клялись в вечной дружбе (в обоих мирах), слизывали кровь друг у друга и т.д. [12, с. 64]. У карачаево-балкарцев такой ритуал не сохранился, но выражение *ахырат тенг* бытует и по сей день.

В текстах эпоса кровь символизирует яд, ядовитое вещество: «*Ол заманда Сосурукъ аскерлерине: “Садакъ окъларыгъызгъа эмегенни къанындан сюртюп хазырланыгъыз, кёзлеригизге, къылычларыгъызгъа да ол жаудан сюртюп хазырланыгъыз”, – деп буюрду*» [8, с. 216] / «Сосурук приказал своим воинам: “Смажьте свои стрелы кровью эмегенов, свои глаза и мечи натрите их жиром и приготовьтесь”».

Кровь добавляет силу человеку даже если и не пить ее, а держать при себе: «(Сосурукъ:) – (Эмегенни) шорпасындан экишер уртлагъыз, къышда суукукъ боллукъ туюлюсюз, къанларындан хар биригиз хазырны ичи бла жаныгъызгъа алыгъыз, атхан огуьгуз жазмаз, – дегенди» [Там же, с. 215] / «Сосурук сказал: “Выпейте по два глотка бульона (из мяса эмегена), тогда даже в страшные холода не будете мерзнуть; пусть каждый из вас нальет немного их крови в один из своих газырей, и вы всегда будете метко стрелять”».

Кровь указывает на возраст человека: *жаши къан* «молодая кровь», *къарт къан* «старая кровь», а также показателем возраста человека является состояние крови: у молодых кровь горячая (*къаны къайнагъан заманы* «букв.: время, когда у него кровь кипит»). Перемещения крови могут быть описаны в парадигме вертикального движения: *къаны ёрге урду* «кровь ударила вверх», *къаны чёкдю* «кровь понизилась».

Кровь традиционно связывалась с жертвоприношением (*къан тёгерге* «кровь пролить», *къан жиберирге* «кровь пустить»). Карачаево-балкарцы приносили и приносят в жертву животных не только при проведении праздников или похорон, или же поминок, но и в защиту от несчастных случаев, а кровь жертвенного животного закапывают, набросав на нее землю, так как запрещается на нее наступать. В мировидении карачаево-балкарцев кровь выступает символом жизни, чему является свидетельством обряд смазывания кровью животного, принесенного в жертву, лба младенцев.

Таким образом, рассмотрев признаки концепта *къан* «кровь» в карачаево-балкарской языковой картине мира, можно сделать вывод, что данному концепту присущи антропоморфные признаки, а также кровь выступает вместилищем души, воплощением жизни, и присущие концепту качества отражают его значимость для носителей карачаево-балкарской культуры.

Список литературы

1. **Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б.** Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 68-70.
2. **Гасанов З.** Царские скифы. Этноязыковая идентификация «царских скифов» и древних огузов. Нью-Йорк: Liberty Publishing House, 2002. 486 с.
3. **Карачаево-балкарско-русский словарь** / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.
4. **Кетенчиев М. Б.** Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2 (18). С. 132-136.
5. **Кетенчиев М. Б.** Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке. М.: Поматур, 2010. 274 с.
6. **Кетенчиев М. Б., Геляева Ж. А.** Вербализация концептов «брат» и «сестра» в карачаево-балкарских паремиях // Инновационная наука. 2016. № 3-3. С. 170-174.
7. **Нартла.** Нальчик: Эльбрус, 1995. 464 с.
8. **Нарты.** Героический эпос карачаевцев и балкарцев. М.: Наука: Восточная литература, 1994. 656 с.
9. **Прохоров Ю. Е.** В поисках концепта. 2-е изд. М.: Флинт: Наука, 2009. 176 с.
10. **Русский семантический словарь.** Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Т. 1. 800 с.
11. **Толковый словарь карачаево-балкарского языка:** в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. 2. 3-Р. 1168 с.
12. **Хисамитдинова Ф. Г.** Мифологизация крови у башкир // Проблемы востоковедения. 2014. № 2 (64). С. 59-65.

SEMANTIC SPACE OF THE CONCEPT “КЪАН / BLOOD” IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Akhmatova Mariyam Akhmatovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich, Doctor in Philology, Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
mari.ahmatova@yandex.ru; ketenchiev@mail.ru

The article examines the semantic space of the concept “blood” in the Karachay-Balkar language by the material of the Nart sagas. In the Karachay-Balkar linguo-culture the concept *къан* (*blood*) is endowed with a cultic meaning and represented as a living substance. Being an element of human inner world the blood is a focus of his different passions. The concept *къан* is endowed with such cognitive features as physiological state; bloodthirstiness, causing grief, trouble; psychological state; supremacy; retribution for a crime.

Key words and phrases: the Nart sagas; Karachay-Balkar language; concept *къан*; linguo-culture; cognitive features.